

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ЗА ВОЕННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Шаповалов Илья Николаевич

студент, Красноярский государственный аграрный университет, РФ, г. Красноярск

Международно-правовая ответственность, являясь категорией международного права, включает в свое содержание комплекс видов ответственности. Тема научной статьи касается международной ответственности государства наступающей за совершение военных преступлений.

Актуальной проблемой на сегодняшний день становятся вооруженные конфликты, в результате которых происходит множество общественно опасных нарушений норм гуманитарного международного права (военных преступлений), вследствие чего случается массовая гибель гражданских лиц и военнослужащих, усложняется социальная напряженность, увеличивается миграция, количество беженцев, умаляются права человека.

Наличие вооруженного конфликта выражается всегда в чрезвычайной ситуации. Действия государств, повлекшие увечья, гибель, разруху, понимаемые в другой ситуации преступными, в условиях вооруженного конфликта представляются состоянием привычным и, более того, необходимым. В ходе этих действий наносится существенный вред собственности государства (невоенным и военным объектам), имуществу частных лиц и социальных организаций, здоровью и благополучию граждан и физических лиц (бипатридам, апатридам, малолетним). Возможным становится причинение ущерба человечеству в целом, к примеру, окружающей природной среде, памятникам архитектуры.

Факт начала вооруженного нападения при незаконном применении силы одной из участников конфликта может обозначать нарушение норм международного права, например, запрета агрессии и вооруженной интервенции, запрета применения силы в международных отношениях, обязанности мирного урегулирования споров или разногласий, добросовестного исполнения международных обязательств [1].

При этом, в ходе уголовного преследования и наказания по фактам совершения военных преступлений находятся проблемы в содержащихся в международном уголовном праве и национальном уголовном законодательстве государств норм относительно уголовной ответственности за военные преступления, а также институционально-правового механизма её конкретизации и реализации. К примеру, разработанная и повсеместно применяемая Международным трибуналом по бывшей Югославии программа совместной преступной деятельности (Joint Criminal Enterprise, JCE) [2], воспринимаемая некоторыми международными органами уголовной юстиции, не принимает во внимание разграничение режимов ответственности (преступного бездействия и соучастия в преступлении), что, при реализации полномочий судов ведет к невозможности соблюдения основополагающих принципов правовой определённости и индивидуализации уголовной ответственности, привлечению к уголовной ответственности и наказанию военнослужащих начальников за военные преступления, совершенные их подчинёнными в силу одного только факта их должностного положения, в отсутствие доказанности объективных и субъективных характеристик состава военного преступления.

Отсюда вытекает вопрос о том, какие именно действия можно отнести к «международным преступлениям государства». При этом, проект статей об ответственности государств не имеет «первичных» норм, нарушение которых вызывает международную

ответственность. Он заключается только во

«вторичных» нормах, регламентирующих установление того, было ли нарушено обязательство, и какими должны стать последствия этого нарушения. Кроме того, при использовании технических и экономических возможностей глобализации, возникает проблема того, что именно может быть включено в содержание термина «применение силы» — только действия, связанные с применением военной силы, или еще экономическое и политическое давление? Все это отсылает нас к неоднозначному пониманию международно-правовых норм субъектами международного права [3].

Необходимо также понимать, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации в области уголовной ответственности за военные преступления (ст. 356 УК РФ) не в достаточной степени соответствует международно-правовым обязательствам и национальным интересам России, потому как характеризуется предельной обобщённостью, не содержит всеобъемлющего списка серьёзных нарушений международного гуманитарного права. Не достаточно эффективными видятся нормы национального уголовного закона (ч. 3 ст. 12 УК РФ) об универсальной уголовной юрисдикции, возможности её распространения на преступления против мира и безопасности человечества (соответственно, и на военные преступления) в отсутствие международного соглашения РФ.

Процесс совершенствования нормативно-правовых основ и правоприменительной практики в части универсальной юрисдикции государств в отношении военных преступлений связан:

а) на международном уровне, с кодификационной работой в рамках ООН, результатом которой должен стать документ (типовой договор, или проект международного договора), где могли бы быть названы пределы действия универсальной уголовной юрисдикции во взаимосвязи с иными принципами уголовной юрисдикции, и с учётом основных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН, об иммунитетах высших должностных лиц государства, норм международных договоров о правовой помощи и экстрадиции, основополагающих международных стандартов режима справедливости и законности уголовного преследования;

б) на национальном уровне (относительно РФ), с процессом совершенствования внутреннего Российского законодательства в части внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Обнаружилась необходимость дополнить редакцию ч. 3 ст. 12 УК РФ нормой о распространении универсальной уголовной юрисдикции на преступления против мира и безопасности человечества, в том числе, военные преступления (Раздел XII); кроме того, дополнить редакцию п. 5 ст. 247 УПК РФ указанием на то, что судебное разбирательство в отсутствие подсудимого по уголовным делам о преступлениях, совершённых за пределами границ Российской Федерации, не допускается.

Стоит отметить значительный вклад России в формирование и совершенствование международного гуманитарного права (международного права в ходе вооруженных конфликтов). Согласимся с мнением И. И. Котлярова о том, что ретроспективное исследование истории возникновения и становления международного гуманитарного права свидетельствует о том, что именно Россия проявляла инициативу в создании международных нормативных правовых актов, нацеленных на достижение гуманизации вооруженных конфликтов и принимала участие в их внедрению в национальное право, точно соблюдая их в ходе конфликтов XIX столетия.

Специфика международно-правовой ответственности субъектов международного права объясняется отличием международного права от внутригосударственного по особенностям структуры, предметно-объектному, институционально- субъектному, регулятивному, функциональному элементам, и, соответственно, выражается в специфике нормативно-правового установления, оснований, содержания, условий и порядка реализации, взаимосвязи императивного и координационного элементов. Отмеченная специфика дает возможность обосновать индивидуальный характер системы международно- правовой ответственности субъектов международного права (государств и международных организаций), имеющейся в рамках международного права, вместе с системой юридической ответственности в рамках внутригосударственного права.

В целом, можно утверждать, что выведение института международно- правовой ответственности государств за «применение силы» или же за «международные преступления» на новый уровень совершенствования требует развития современного международного права посредством взаимодействия ученых теоретиков в области международного права разных государств, созданию новых подходов к проблематике международно-правовой ответственности.

Список литературы:

1. Измайлова П.Р. Международные преступления // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 5. – С. 180- 187.
2. Лобанов С.А. международная уголовная ответственность за военные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — С. 495.
3. Сазонова К.Л. Концепция «Международного преступления государства» как основание международно-правовой ответственности: сравнительный анализ доктринальных позиций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 3. – С. 460-465.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ